

Евг. ГАБРИЛОВИЧ, Оксана МОГИЛА —
Подснежники и эдельвейсы

Владимир МИХАНОВСКИЙ — Око вселенной

Юрий ТИХОНОВ — Случай на Прорве

Цена 60 коп.

Владимир
Михановский

ВСЕЛЕННОЙ

Фантастическая повесть

Пили чай в тяжелом молчании, нарушаемом лишь размеренными ударами маятника. Старинные настенные часы, много повидавшие за свою долгую жизнь, были прошлой весной привезены сыном с городской квартиры в загородный коттедж. Здесь Георгий Иванович давно и прочно обосновался, чтобы быть поближе к Зеленому городку и не убивать время на дороге.

За сплошной стеклянной стеной веранды садилось солнце, огромное, багровое. Осенние ослабленные лучи, дробясь в витражах, падали на дубовые стулья и стол, покрытый скатертью,

весело отражались от начищенного до блеска, сердито пыхтящего самовара, блуждали по экрану видеофона.

Еще несколько минут назад, когда над домом прошлестели крылья орнитоптера, а затем послышались шаги Георгия, идущего по дорожке к дому, она догадалась: случилось что-то из ряда вон выходящее.

Обычно муж шагал с работы легко и быстро. В этот раз он шел медленно, сутулив плечи.

Георгий опустил в жалобно скрипнувшую качалку, а жена принялась собирать на стол, стараясь отвлечься от беспокойных мыслей.

Праздничное угощение выглядело отменно. Еще бы, день сегодня далеко не ординарный. Ей даже стало немножко обидно, что Георгий никак не прореагировал на ее кулинарное искусство. Мысли его витали где-то далеко... Доливая свою чашку, он не успел вовремя завернуть кран самовара, и на белоснежной скатерти расплылось большое дымящееся пятно.

— Прости. Не рассчитал, — сказал он виновато, и в голосе его прозвучало такое отчаяние, что у нее захолонуло сердце.

Она знала: расспрашивать о том, что произошло на космодроме, бесполезно. Придет в себя — сам расскажет. По крайней мере, ей известно: запуск Дора состоялся. Об этом ровно в полдень, в расчетное время, возвестил давно и с трепетом всеми ожидаемый грохот дюз, донесшийся с космодрома, расположенного за Зеленым городком.

Георгий медленно прихлебывал густо заваренный чай, черный как деготь, — свой любимый. Казалось, он все время ждал чего-то.

Внезапно ударил гонг вызова.

Георгий вскочил, едва не опрокинув чашку, и бросился к вспыхнувшему экрану видеофона, стоявшего в углу веранды. Из глубины экрана навстречу ему медленно выплыло молодое остроскулое, почти мальчишеское лицо.

— Я оказался прав?! — сказал Георгий. — «Электрон» стал сразу набирать субсветовую скорость, и сигнал преследования не догнал его? — Он помолчал. — «Электрон» пройдет мимо Юпитера. Может, поле притяжения захватит корабль? Потом мы могли бы зачалить его и переправить на Марс, по месту назначения.

— Я тоже сначала подумал об этом, товарищ Коробейников...

— Прикинули на ЭВМ?

— Гравитация Юпитера слишком слаба для «Электрона». Кто же мог знать, что включатся дюзы, которые были опломбированы? Это проклятое тире...

— Как же вы объясняете появление этого самого тире?

— Никак в толк не возьму, Георгий Иванович. Вы же знаете, мы накануне вместе все проверили. Программа запуска была составлена безукоризненно.

— Но факт остается фактом. Подвело нас именно математическое звено, за которое вы отвечаете...

— С Дором плохо? — тихо произнесла жена, когда экран видеосвязи погас.

Георгий устало опустил на стул, но к чаю больше не приотронулся.

— С твоим любимцем распрекрасно, — сказал он. — А вот с новопоселенцами Марса плохо. Они остались без универсального помощника, которого так ждали. Дор призван был обеспечить механизацию всех работ на Марсе. Всех работ на Красной планете, понимаешь?! А нашему институту каково? Полтора десятка лет работы — прахом. А все потому, что в перфоленте программы запуска оказалось пробитым лишнее тире. Одно-единственное! Видимо, из-за этого и исказились траектория полета.

— Почему же вы не послали перехватчик?

— Увы! — сказал Георгий. — Как говорится, беда одна не приходит. Сразу после старта на «Электроне» включились субсветовые дюзы, которые предполагалось обкатывать лишь при последующих запусках, после возвращения корабля с Марса. Была еще у меня надежда, что корабль будет захвачен полем тяготения Юпитера...

— Да, я слышала.

— Теперь все надежды лопнули

— Послушай, а разве нельзя воспроизвести проект Дора? — сказала она осторожно.

— Как ты себе это представляешь — воспроизвести? Дор — это личность, а личность неповторима.

— Что же все-таки делать?

— Есть у меня одна гипотеза, — задумчиво произнес Георгий и потер ладонью большой, с залысиной лоб. — Но, боюсь, мы не сумеем проверить ее.

— Почему?

— Потому что она связана непосредственно с Дором, а он далеко. Ладно, давай отдыхать...

Ночью Екатерина долго не могла уснуть. Какие-то бесформенные тени медленно проплывали по потолку — или это только чудилось? Ей вспомнилось последнее посещение Дора. Это было позавчера, а кажется — так давно...

...Дор прошуршал по дорожке, поднялся на террасу. Энергично и весело, как всегда, поздоровался с ней. Георгия дома не было: он дни и ночи, которых так немного оставалось до запуска «Электрона», пропадал на испытательных полигонах.

За долгие годы знакомства Екатерина привыкла уже к этому огромному оранжевому шару со слегка волнующейся поверхностью. Дор, чудо биопластики и электроники, казалось, все знал, все понимал. Единственным, по ее мнению, недостатком Дора было то, что робота создали и воспитали начисто лишенным эмоций. «Чувства Дору ни к чему, — сказал ей как-то Георгий. — Они попросту энергетически невыгодны. Испытывать страх, надежду, любовь к кому-либо — это не для Дора. У него совсем другие задачи».

Последние месяцы перед запуском робот пользовался в Зеленом городке полной самостоятельностью.

— На полигоне у меня выдался свободный часок, и я решил закатиться к тебе! — пророкотал Дор, останавливаясь посреди веранды.

Она улыбнулась — настолько естественно в устах Дора прозвучало это «закатиться».

— Скоро улечу навсегда, — произнес Дор, внимательно озирая

осенний пейзаж. — Буду воспроизводить автоматы. На Землю мне уже не возвратиться.

— Ошибаешься, Дор! — воскликнула она. — Через год-два с Марсом наладят регулярное пассажирское сообщение.

— Нет, я не вернусь, я знаю, — повторил настойчиво Дор. — Потому и хочу взять с собой как можно больше: виды, картины, голоса. У меня ничего ведь не стирается в памяти. Не то что у вас, людей!

— Ты и мой... мой облик увезешь с собой? — спросила она, пораженная неожиданной мыслью.

— Конечно! И твой, и моего конструктора-воспитателя, и многих тысяч людей, с которыми мне когда-либо приходилось иметь дело. Я хочу, чтобы в мою память вписались навечно и берега Крыма, и льды Таймыра, и заповедная сибирская тайга, и эта веранда, и эти часы, — все, все хочу я взять с собой!

— Что ты сказала? — откликнулся Георгий. Он тоже не спал.

— Нет, я так...

Ей представился стремительно несущийся корабль, стальной иглой пронзающий ледяные пространства вселенной, и Дор, который мечется в корабле живым оранжевым шаром. Она только теперь, в часы бессонницы, осознала, насколько успела привязаться к Дору. Что ждет его там, в открытом космосе? До каких звезд, до каких галактик доберется он, не умеющий управлять кораблем, прежде чем исчерпается запас аннигиляционно-го топлива?..

Она проснулась от прикосновения Георгия.

— Ты кричала, — сказал он.

— Мне приснилось, что Дор упал на солнце и сгорел..

Чем дальше стремительная яхта уходила от берега, тем круче вздымались волны. Внезапный порыв ветра так потрянул легкое суденышко, что Карранса инстинктивно вцепился обеими руками в поручни кресла, намертво прикрепленного к полу сфероида. Ветер, настоящий морской ветер до самой воды выгибал белый парус, упруго бил в лицо, забирался под расстегнутый на груди комбинезон.

— Выдержит? — крикнул Карранса, полуобернувшись к соседу, и указал на вздрагивающий от напряжения парус.

— Это релон — штука сверхпрочная, — скорее прочел он по губам, чем расслышал ответ Стафо, штурмана «Ренаты», пульсолета первого класса.

— Только в море, только в море может счастлив быть моряк, — весело пропел-прокричал Карранса, уже ни к кому не обращаясь.

Нос яхты то высоко вздымался над водой, то глубоко зарывался, вздымая вверх белые буруны. Солнце не спеша садилось, и его косые лучи скользили по зеленым волнам.

Яхта круто изменила курс, и морские брызги ударили в лицо Каррансы. Он помотал головой и даже зажмурился от удовольствия.

А в молочно-белой дали уже вставали строгие линии пристани, гордо взметнувшиеся ввысь купола башни радиосвязи, стрелы подъемных кранов...

Следом за другими членами экипажа Стафо и Карранса покинули зал, где демонстрировался сферофильм, и теперь шли узким коридором, освещенным приятным зеленоватым светом.

— Неплохо прогулялись, а? — хитро подмигнул Карранса приятелю.

— Чудно, — усмехнулся Стафо, — только вот если бы качка поменьше.

Белоснежная яхта, борт которой они только что покинули, разрежала гостеприимные воды Черного моря близ Аюдага. Эту мысль — каждую субботу всем экипажем звездолета пускаться по морю на легкокрылой яхте, — подал капитан «Ренаты» Петр Коробейников.

— Ты куда теперь?

— У меня вахта, — вздохнул Карранса. — Скучища... Меня ждут шесть часов мертвого штиля на экране. Уже восемь месяцев у нас ни одного, даже самого ничтожного происшествия.

— И ты недоволен этим?

— Ну хоть бы что-нибудь произошло! Ведь расстояние мы покрывали — будь здоров, столько пульсаций прошли.

— Счастливого дежурства.

Карранса захлопнул люк пневмокапсулы и привычно нажал на пульте кнопку центральной рубки управления. Круглая кабина бесшумно рванулась и понеслась, наращивая скорость. Сквозь прозрачную оболочку мелькали сложные переплетения труб и волноводов, плоские платформы. Кабина то взлетала вертикально вверх, то скользила по наклонной плоскости, то двигалась по дуге. За годы полета на «Ренате» Карранса изучил путь в свою рубку до мельчайших подробностей. Даже закрыв глаза, он отчетливо представлял себе каждый метр пути.

В головной рубке все было как обычно. Огромный экран, который занимал почти всю переднюю стену, светился ровным голубоватым светом. На него со всех сторон смотрели чуткие глаза фотоэлементов. Изображение с экрана передавалось на анализаторы. Прежде всего данные поступали в главный электронный мозг корабля, который вносил соответствующие коррективы в курс, готовя очередную пульсацию — головокругительный прыжок сквозь бездну пространства — времени. Дублирующая система выверяла расчет.

Они двигались скачками: «Рената» исподволь набирала скорость и энергию, после чего совершала пульсацию, ныряя в нуль-пространство. Затем весь цикл повторялся сначала.

Каррансу каждый раз восхищали чудовищные вспышки окружающего корабль вакуума, когда «кристалл инверсии», способный управлять волнами гравитации, на какой-то неуловимый миг свертывал пространство впереди по курсу и ракетная игла пронзала призрачный рулон...

Пилот прежде всего бросил взгляд на инфралокатор: выпуклый градуированный экран его был девственно чист. Значит, обозримое пространство впереди «Ренаты» свободно. На гигантском отрезке пространства, которому скоро надлежит быть на миг туго спеленутым, звездолету ничто не угрожает. Нет ничего хуже, когда шальной метеорит перережет орбиту корабля в момент пульсации! Крохотный осколок может наделать немало бед.

Карранса поудобнее устроился в кресле перед головным пультом. Равномерный басовитый гул автофиксатора навевал легкую дремоту.

Так прошло полтора часа. Приближалось время очередной пульсации.

Внезапно зеленый глазок на пульте замигал. Автофиксатор тоже перешел на более высокие тона.

Карранса мгновенно подобрался, готовясь к неведомой еще опасности.

Быстрый взгляд на инфралокатор подтвердил, что путь впереди свободен. Может быть, ионные двигатели? Кристалл инверсии?.. Напряженный взгляд Каррансы лихорадочно скользил по длинным рядам циферблатов и шкал, и ни один прибор не сообщал ему ничего тревожного.

Ага, наконец-то! Скорости! Он не поверил своим глазам. Шагнул к зеленоватой шкале. Сомнений не было: оранжевая яркая точка — индикатор импульса корабля — едва заметно отделилась от вертикальной линии, обозначающей заданную скорость «Ренаты», и медленно поплыла влево...

Скорость пульсолета росла. Правда, увеличение скорости было ничтожным — чуткий прибор регистрировал изменения скорости, составляющие миллионные доли процента.

Перед взволнованным пилотом вспыхнула, словно ожив, матовая сфера. Капитанский вызов!

Лицо Петра Коробейникова, черты которого приобрела сфера, выражало тревогу.

— Что там у вас, Карранса? Почему включился сигнал малых отклонений?

— Растет скорость.

— Конкретней!

Карранса привел цифры.

— Причины?

— Пока не могу найти. Приборы показывают норму.

— Хорошо, сейчас буду у вас.

Карранса вытер вспотевший лоб. Еще раз окинул взглядом стройную шеренгу приборов на пульте. Над каждым успокоительно мерцал зеленый глазок. А детектор скорости? Карранса глянул на него с тайной надеждой, что оранжевой точки уже нет. Но она горела, отдалившись от вертикали еще на несколько миллиметров.

В рубку вошел капитан, и Карранса невольно почувствовал облегчение. Капитан тщательно проверил каждый прибор, по очереди включая в только ему известных комбинациях все контролируемые и следящие схемы. Карранса сосредоточенно помогал ему.

— Пойдем на крайние меры, — решил наконец капитан. — Включите тормозные дюзы и повышайте их мощность, пока не выровняется скорость. Это не очень желательно. Но мы не можем терять скорость...

Король Стафо был в отчаянном положении. Жертвой коня Карранса вскрыл позицию белых и теперь методически усиливал давление.

Обхватив голову руками, Стафо низко склонился над доской. Карранса довольно откинулся на спинку кресла.

— Гм... Не вижу, честно говоря, спасения, — после продолжительной паузы произнес наконец Стафо.

— И я не вижу, — откликнулся Карранса.

— Однако выход есть, — послышался сбоку уверенный голос. — И очень несложный. Смотрите! Слон бьет на Ф7 с шахом, при этом возможны два варианта. Либо черные принимают жертву и бьют слона, либо отходят королем... — Гибкие шупальца Роба замелькали над доской, передвигая фигуры и показывая варианты.

— Погоди, погоди, — обрадованно произнес Стафо. — Сам вижу. Я делаю ничью вечным шахом. Слушай, Роб, почему ты всегда вмешиваешься? Сколько раз договаривались, чтобы ты никому не подсказывал.

— Я подсказал, потому что никто из вас не видел правильно продолжения, — ответил Роб.

— С твоей логикой не поспоришь, — заметил Стафо, складывая шахматные фигуры.

В глубине обзорного экрана в безмерной дали висели бестрепетные фиолетовые звезды. После очередной пульсации — гигантского скачка — рисунок созвездий изменится. Что сулит им ближайшее будущее?..

— Почему ты сегодня хмурый? — Стафо положил руку на плечо Каррансы. — Обидно, что проиграл?

— Вовсе нет. — Карранса заставил себя улыбнуться и повернулся к Робу. — Знаешь, Роб, я недавно прочел занятную книжицу, в которой повествуется о твоём далеком предке.

— А что за книга? — заинтересовался Стафо.

— Двадцать первый век, эпоха освоения Марса. Тогда создавали роботов из белкового вещества и на каждого тратили массу сил, средств и времени. Потом от них отказались. После одного случая.

— Какого случая? — спросил Стафо.

— Чтобы помочь первым поселенцам Марса, учеными Зеленого городка был создан белковый робот Дор — сложнейшая система, на которую возлагались особые надежды. Но им не суждено было осуществиться. При запуске Дора на Марс что-то там в корабле не так сработало — до причины впоследствии так и не докопались. А Дор улетел в открытый космос.

— Его спасли?

Карранса покачал головой.

— Кстати, еще одна любопытная деталь: человек, который сконструировал и воспитал Дора, тезка нашего капитана.

— Чем-то сильно озабочен наш капитан. Никогда его таким не видел. Не знаешь, в чем дело?

— Понятия не имею.

В этот миг щелкнул видеофон, и чуть хриловатый голос капитана произнес:

— Пилот Карранса, немедленно зайдите в головную рубку.

На ходу задерживая «молнию» комбинезона, Карранса бросился к выходу. Согласно строгой инструкции выходить из каюты в коридор пульсолета можно было только в наглухо закрытом

комбинезоне, защищавшем от излучения: в той части пространства, которую сейчас пересекала «Рената», космические лучи — эти «вечные странники» вселенной — были необычайно интенсивны...

Капитан внешне был спокоен.

— Отдохнули? — спросил он.

— Немного, — ответил Карранса.

— Посмотрите, — кивнул Петр Коробейников на индикатор скорости корабля.

Часа за два до этого, когда Карранса по приказу капитана включил тормозные двигатели, оранжевая точка слилась с вертикалью на шкале. Теперь точка снова, словно нехотя, отползла в сторону.

— Остается включить форсированный режим, — решил капитан.

Самый большой отсек на корабле занимало хозяйство Марии Авериной, астробиолога. Дел у нее хватало. Одна из задач «Ренаты» состояла в исследовании космических форм жизни. Необходимо было проверить гипотезу о существовании в пространстве мельчайших спор — зародышей «мировой жизни», поэтому регулярно отбирались и обрабатывались пробы межзвездного вещества.

Девушке не надоедала однообразная работа. А вдруг вот этот самый или следующий образец окажется счастливым? Она тщательно проверяла на биоустановке бесчисленные осколки метеоритов, которые захватывались магнитными ловушками «Ренаты». Много образцов доставлял ей Стафо, молодой штурман, специально для этого совершавший вылазки на внешнюю обшивку корабля.

Занятая сложным экспериментом, в котором ей помогало несколько манипуляторов, Мария не сразу обратила внимание на вспыхнувший экран видеофона.

— Всему экипажу «Ренаты»... Всему экипажу «Ренаты»... Приказываю немедленно собраться в Большой каюте. Наблюдение и контроль поручить киберсхемам.

Это было нечто из ряда вон выходящее. Обычно, отдавая приказы по кораблю, капитан ограничивался видеофонной связью. Чутьочку старомодный ритуал ебора всего экипажа в Большой каюте был необычным и потому тревожил.

Мария замешкалась с установкой, ей жаль было прерывать опыт. Установив строго стационарный режим, девушка наскоро накинула на легкое платье красную шерстяную кофточку, которая так нравилась Стафо, затем, вздохнув, натянула сверху серый комбинезон. Выскочила из отсека, стала на ленту транспортера и нажала кнопку...

В главной каюте уже все были в сборе, и Мария примостилась сзади.

— ...Повышение мощности ионных дюз на целых двенадцать единиц тоже ничего не дало, — говорил капитан. — Главная опасность в том, что мы ничего не знаем о причинах ускорения «Ренаты». Мы в ловушке, но еще не знаем в какой. Таково по-

ложение. Прежде чем что-либо решать, я хотел бы посоветоваться с вами.

Обсуждение длилось минут двадцать. Решено было больше не тратить время на выявление причин ускорения.

— Итак, — подытожил капитан, — сделаем еще одну попытку вырваться из опасной зоны. Через пятнадцать минут будут включены на полную мощность все двигатели. Приказываю надеть противоперегрузочные костюмы и занять свои места. Объявляю готовность номер один!..

В головной рубке воцарилась тишина, в которой четкие удары хронометра казались необычайно гулкими.

— До включения двигателей остается две с половиной минуты, — произнес капитан, наклонившись к мембране. — Доложите готовность.

— Готов! — произнес Карранса, застывший у пульта управления.

— Готов!.. — бросил Стафо, не отрываясь от штурманского экрана.

— Готов, — пробасил гравист Иван Скала.

Когда все отсеки доложили о готовности, капитан кинул последний взгляд на индикатор скорости корабля. Проклятая оранжевая точка успела сместиться уже так далеко в сторону, что между нею и вертикалью свободно уместилась бы ладонь.

— Включить двигатели! — скомандовал капитан, и Карранса повернул до отказа рукоятку мощностей.

Плотная волна перегрузок навалилась на людей. На экране обзора перед капитаном возник стройный силуэт «Ренаты». Из дюз вырывалось ослепительное пламя, языки которого терялись в бесконечности. Пламя было особенно ярким на фоне вечного мрака космоса. Кустики антенн кругового наблюдения по бокам и на носу «Ренаты» равномерно вращались, посылая изображения на бесчисленные экраны головной рубки.

Все было как обычно. Необычным было только одно: общая мощность двигателей никак не соответствовала фактической силе тяжести на корабле. Последняя была гораздо меньше расчетной!..

Капитан коротко переговорил с гравистом, и тот подтвердил его наихудшие опасения.

При такой мощности дюз люди должны были бы буквально вдавиться в спинки своих кресел. По расчетам Ивана Скалы, ускорение силы тяжести должно было составить величину порядка пяти Ж, а между тем стрелка ускорений показывала едва 1,9!..

Прошло полчаса, и сила тяжести на корабле начала ослабевать. Но чувство физической легкости не вызывало ни у кого ни радости, ни облегчения: ведь это означало, что «Рената» крепко прикована к чему-то неведомому.

* * *

Прошло уже четверо суток с той минуты, как оранжевая точка, движение которой впервые заметил пилот Карранса, начала свой роковой путь.

Двигатели маневра исчерпали свой ресурс и выключились. Тормозные двигатели «Ренаты» продолжали работать на полную мощность. Несмотря на это, скорость не уменьшалась. А при неустойчивости скоростного режима не могло быть и речи о том, чтобы включить пульсатор.

Большой совет корабля заседал недолго.

— При максимальном режиме топлива хватит ненадолго, — заявил Карранса, тяжело поднявшись с места. Веки его покраснели от недосыпания, под глазами обозначились мешки. В этой странной и опасной ситуации первому пилоту корабля доставалось больше, чем другим.

— Конкретней, — попросил капитан.

— Вот данные, полученные от головного электронного мозга. — Карранса протянул капитану несколько узких пластиковых полосок, испещренных цифрами. Петр Коробейников изучал их с минуту, затем передал другим.

— Та-ак, — протянул Стафо, — цифры довольно красноречивы. За три-четыре месяца такого режима сожжем все до капельки.

— Что у вас? — повернулся капитан к Скале. Иван медленно, словно во сне, покачал головой.

— Природа сил, влияющих на «Ренату», неизвестна, — произнес он негромко.

— Другими словами, мы не знаем, какая сила взяла нас в плен, — продолжил капитан. Слова его тяжело падали в напряженной тишине. — И потому я считаю, что двигатели корабля следует полностью выключить.

— Выключить?! — не удержавшись, воскликнула Мария. В первое мгновение ей показалось, что она ослышалась.

— Да, полностью, — подчеркнул капитан. — И лечь в дрейф. Люди зашумели.

— Выключить двигатели — самоубийство! — воскликнул Стафо. — Нам тогда не выбраться из этой потенциальной ямы.

— Что же вы предлагаете? — спросил капитан. — Сжечь сначала остатки топлива и потом уже скатиться на дно ямы? Стафо подавленно молчал.

Мало-помалу с парадоксальным предложением капитана согласились все.

Грависты сидели чуть поодаль от остальных членов экипажа и озабоченно переговаривались. Когда спор Стафо с капитаном закончился, поднялся Иван.

Маша смотрела на Ивана, полная дурного предчувствия. На какой-то миг девушке показалось, что действие происходит в замедленном сне, и все это — мерцающие стены отсека, озабоченные лица товарищей, даже преданный взгляд Стафо, устремленный на нее, — прозрачно и нереально.

— Если выключим все двигатели, то это не значит, что начнем свободно падать и на корабле воцарится невесомость, — сказал Иван. — Под воздействием активных внешних сил корабль приобретет огромное ускорение. Хотя падение корабля не может длиться бесконечно: силовое поле должно иметь центр. Преодолев какой-то участок пути, «Рената» остановится.

— Но нам тогда уже все будет безразлично, — невесело пошутил кто-то.

— Безвыходных положений не бывает, — отрезал капитан. — До полной остановки корабля я предлагаю всем лечь в анабиоз. Будем готовить корабль к автоматическому режиму.

— На какой срок? — спросил Стафо.

— Срок неизвестен. Корабль будет находиться в автоматическом режиме до тех пор, пока мы не выйдем из анабиоза. Ну, а из анабиоза мы выйдем, когда на корабле воцарится невесомость.

Маша, не ожидая конца, поспешила в свой отсек. Дел у нее было немало. И, кроме того, хотелось хоть немного побыть наедине со своими мыслями. Предстоящий анабиоз — состояние между жизнью и смертью — страшил ее, несмотря на то, что она была биологом. А быть может, именно поэтому Мария слишком ясно представляла себе, насколько хрупка и тонка стенка, отделяющая при анабиозе бытие от небытия. А тут еще это загадочное силовое поле... Недаром капитан потребовал рассчитать для каждого члена экипажа режим погружения в анабиоз. А потом их жизнь будет зависеть от автоматики. А кто знает, как поведет она себя в новых условиях?..

* * *

Нужно было торопиться, пока гигантская тяжесть не свалила всех с ног. Люди на корабле понимали это.

Вызов Марии застал Стафо врасплох.

— Неужели в такой момент ты умудрился вздремнуть? — спросила Мария, вглядываясь в его отрешенное лицо.

— С чего ты взяла?

— Мне показалось...

— Ну а как там твои букашки-козявки? — перебил Стафо, стараясь, чтобы голос его звучал как обычно. «Букашками-козявками» он называл споры космического пространства, которые неутомимо изучала Мария.

— Что им сделается? Ускорений они не боятся. Огня и космического холода тоже. До встречи!

— До встречи в биозале, — произнес Стафо и поспешил выключить видеофон.

Он и сам не мог понять, почему не сказал Марии и даже не сообщил капитану о странном происшествии, случившемся с ним несколько минут назад.

Он вел последние наблюдения по обзорному экрану, тщательно просматривая каждый квадратный метр внешней обшивки корабля. Ведь любой, самый мелкий, дефект мог обернуться катастрофой, пока все они будут в анабиозе....

Внезапно корабль исчез, словно его заволокла непроглядная мгла. Через несколько секунд она просветлела, по экрану побежали волны. Стафо совсем собрался было доложить капитану о неполадках в обзорной схеме, как вдруг пелена раздвинулась, словно театральный занавес.

Все дальнейшее, что видел Стафо, выглядело до ужаса реальным, почти осязаемым.

...Из глубины экрана выплыл корабль, замерший на старте.

Нет, это была не «Рената». Неведомый корабль отличался от их пульсолета, как первый автомобиль отличается от гравихода. Неуклюжая на вид, но основательная ракета. «Как говорили когда-то, неладно скроен, да крепко шит», — подумал штурман про чужой корабль.

Стафо даже ущипнул себя, но видение с экрана не исчезло. «Начитался книг, вот и лезет в голову всякое... С ума схожу, что ли?» — мелькнула тревожная мысль. Она-то и удержала руку штурмана, протянувшуюся к кнопке видеофона.

...А там, в глубине экрана, царил полдень, если судить по короткой тени, отбрасываемой растениями. Вокруг стартовой площадки росли деревья, перемежаемые кустарником. Дубы... «Неужели это земные дубы?» — с волнением подумал Стафо. Деревья и кусты зашумели под набевавшим ветром, и с них посыпались желтые осенние листья, вихрем закружились те, что успели опасть.

Только ракета высилась неподвижно, подобная изваянию. «Не такая уж это допотопная штука, — смекнул Стафо, внимательно разглядывая корабль. — Ракета явно не первого поколения. Вон и субсветовые дюзы виднеются. Интересно, как корабль называется?...»

Название было выведено на одной из боковых дюз, так что можно было разобрать только первые три буквы. «ЭЛЕ...» — прочел Стафо. Полностью прочесть имя корабля он не мог, как ни старался. Оставалось только гадать: Элеонора? Элегия?

Неуловимо быстро картина на экране сменилась. Теперь ракету окружала толпа людей, оживленная, радостная. Люди жестикулировали, о чем-то говорили, смеялись. Действие разворачивалось бесшумно. Странным было еще и то, что движения действующих лиц то ускорялись, то замедлялись, словно по прихоти киномеханика, пускающего фильм. Главным в толпе, похоже, был отдающий распоряжение высокий вислоусый человек. Лицо его чем-то отдаленно напоминало Стафо лицо капитана «Ренаты» Петра Коробейникова. Впрочем, задуматься об этом факте у штурмана не было времени. Он продолжал с любопытством вглядываться в картины, которые, то ускоряясь, то замедляясь, сменяли на экране друг друга.

Люди на экране продолжали обмениваться репликами. Как жаль, однако, что не слышно голосов! Стафо потянулся было к усилителю звука и тут же усмехнулся. Забавно! Похоже, он собрался озвучить собственное бредовое видение.

Человек, которого штурман мысленно называл «главным», посмотрел на часы, улынулся, поднял руку и что-то крикнул. Люди в ответ тоже заулыбались и направились к видневшемуся в отдалении бункеру.

«Сейчас ракета должна стартовать, — сообразил Стафо. — У них нет еще антигрانا. Значит, старт и движение корабля основаны только на реактивном принципе».

Видение толпы вдруг растаяло. Его сменило замкнутое пространство корабельной рубки. Штурман «Ренаты» не без интереса рассматривал старинное навигационное оборудование, о котором знал только из книг.

После головной рубки на экране замелькали другие отсеки

корабля. В некоторых из них стояли механизмы неизвестного назначения.

Однако на борту чужого корабля Стафо людей не обнаружил, хотя напряженно искал их, вглядываясь в свой экран до боли в глазах.

Неужели это всего-навсего заурядный автоматический бустер? Почему же люди Земли провожали его с такой торжественностью? В том, что корабль стартовал с Земли, а не с какой-нибудь другой планеты, у Стафо сомнений не было.

Все более тягостное чувство овладевало Стафо при виде смеющихся картин. Он чувствовал, что его воля подавляется чужой, холодной и враждебной. Но нет! Какая там чужая воля? Это, конечно же, просто зрительная галлюцинация, не более. Чем же иначе можно объяснить появление огромного оранжевого шара, который промелькнул в одном из корабельных переходов на экране?..

В этот момент его и вызвала Мария. Боясь, что девушка задаст вопрос, ответить на который Стафо не готов, он инстинктивно заслонил собой экран.

* * *

За годы полета «Ренаты» никому из членов экипажа ни разу не приходилось погружаться в анабиоз: вход корабля в очередную пульсацию и выход из нее осуществлялись для людей безболезненно. «Нырять в одном созвездии, выныриваем в другом», — любил говорить по этому поводу Карранса. На участках обычного полета больших перегрузок, опасных для человеческого организма, до сих пор также не бывало. Поэтому все системы корабля, а особенно те, которые обеспечивали программу анабиоза, перепроверялись теперь особенно тщательно.

В биоотсеке — невысоком просторном отсеке овальной формы — шли последние приготовления. Он был расположен в срединной сфере — самом сердце корабля. Вдоль стен, на равном расстоянии друг от друга, тянулись люки — двадцать семь, по числу членов экипажа. За каждой располагался небольшой отсек со сложнейшим и точнейшим оборудованием, которое позволяло удерживать человеческий организм в течение длительного времени на грани небытия.

Пройдет немного времени, капитан отдаст команду, и ровно через десять минут сработает реле автономного времени. От людей тогда уже ничего не будет зависеть. Все члены экипажа к этому моменту будут лежать каждый в своем отсеке полностью расслабившимися, стараясь, по инструкции, дышать как можно медленнее и равномернее. Тела их будут по грудь погружены в биоразтвор. Затем уровень жидкости в контейнере начнет повышаться, а организм — все глубже и глубже проваливаться в бездонный сон.

...Главный штурман Стафо сидел в кресле, откинувшись на спинку. После короткого разговора с Марией, когда он отключил видеофон, экран опять ожил, наполнился непонятными видениями. Разобраться в них было нелегко.

Действие теперь происходило в отсеках и переходах чужого корабля. Там кипела непонятная, но бурная деятельность. Лю-

ди в ней, однако, не принимали никакого участия: ни одного человека на борту бустера Стафо так и не обнаружил. Что ж, значит, его предположение оказалось справедливым — корабль и в самом деле автоматический. В этом факте ничего странного не было. Непостижимым было другое — действие оранжевого шара. Судя по всему, этот шар представлял собой киберсистему достаточно высокого класса, единственную на борту. Однако, вместо того чтобы заниматься целенаправленной деятельностью, он беспорядочно метался по отсекам.

Штурман «Ренаты» разобрался в одном: чужой корабль вела автоматическая система по курсу, который был проложен еще до старта. Однако у Стафо быстро создалось впечатление, что шар старается изменить курс, поломать заданную схему, причем делал он это неумело, чтобы не сказать — беспомощно.

Вскоре, однако, действия оранжевого шара стали более упорядоченными. И тут Стафо совсем перестал понимать что бы то ни было. Шар зачем-то начал пробуждать механизмы, явно предназначенные для работ на планете после высадки, и задавать им новую программу.

...Вот голенастый, похожий на аиста, механизм медленно ожил, словно восстав от глубокого сна. Огляделся вокруг, фиксируя обстановку. Затем двинулся к кипе материалов и принялся что-то конструировать из них. Перед Стафо начали вырастать контуры более крупного механизма. Штурману очень хотелось увидеть, что из этого получится, но картина на экране сменилась другой.

Судя по индикатору корабельного времени, вмонтированному в пульт чужого корабля, на борту его протекло несколько суток. Перед Стафо возникла снова головная рубка. В ней находился крупный механизм, судя по всему, тот самый, который «аист» начал собирать незадолго до этого. Он действовал у пульта словно заправский штурман. Движения механизма с каждой минутой становились все более осмысленными и твердыми.

Курс чужого корабля выравнился — в этом Стафо убедился, кинув опытный взгляд на приборы.

Через некоторое время видения на экране «Ренаты» начали тускнеть, размываться. К этому моменту Стафо, хотя и вновь обрел способность двигаться, почувствовал себя вконец обесилленным. На несколько мгновений он прикрыл глаза.

Его вывел из задумчивости сигнал вызова. Стафо поразился тому, как за несколько часов осунулось и постарело лицо капитана, возникшее на экране.

— Как у вас дела, Стафо?

— Все в порядке, капитан.

— Навигационный пульт?

— В норме.

— Курс корабля?

— Задан киберсхеме вплоть до пробуждения экипажа.

— Идите в биозал. Не задерживайтесь, — предупредил капитан. — На реле времени уже подана команда. Аварийный эскалатор доставит вас за полторы минуты.

Экран погас.

Стафо, преодолевая слабость, рывком поднялся, привычно одернул противорадиационный комбинезон. Затем торопливо на-

жал кнопку вызова отсека Маши Аверинной. Перед ним медленно проплыла пустая каюта, тесная от многочисленных установок. Он включил экран обзора коридорной системы корабля. И тут же увидел, как в конце коридора, ведущего в центральный ствол, Мария пытается открыть люк. Она отчаянно дергала его, но люк не поддавался. Стафо ударил по кнопке увеличения, и перед ним во весь экран выросла тоненькая фигурка девушки. Особенно бросились в глаза ее руки, вцепившиеся в дверную ручку, по-детски прикушенные губы и полные слез глаза.

«Мария в противоположной стороне Большого кольца. Добраться туда по центральной ленте можно за семь минут, а в моем распоряжении — десять. До биоотсека оттуда рукой подать. Значит, бегом и ни секунды отдыха!»

Коридор Большого кольца, плавно загибаясь кверху, терялся вдаль. Лента почему-то бездействовала, включить ее не удалось, и Стафо, не раздумывая, побежал. Он мчался так, как не бежал ни один легкоатлет, бьющий мировой рекорд. Не пробежал он и полусотни метров, а сердце уже учащенно забилося и в висках заломило.

Каждый шаг требовал невероятных усилий. Сказывалось увеличение силы тяжести.

«Быстрей, быстрей!» — подстегивал себя Стафо. Он пошатывался и часто хватался за зеленоватые стены, а один раз больно ушибся об угол. Влетев в отсек, Стафо поспешно оглянулся. Да, это тот самый отсек, из которого Маша не могла выбраться.

Но ее тут не было.

Запахавшись от быстрой ходьбы, Мария вошла в биозал.

— Что стряслось? — спросил капитан, взглянув на ее покрасневшее лицо.

— Задержалась. Заклинился один из люков.

— Не будем терять время. Занимайте свое место. Номер вашего отсека?

— Тринадцатый.

— Счастливый номер. — Капитан легонько подтолкнул девушку к ее отсеку.

— Разрешите подождать Стафо? — негромко попросила Мария.

— Он сейчас придет, — ободряюще улыбнулся Коробейников. — Я только что говорил с ним. До пробуждения!

Мария медленно вошла в отсек, разделась и, аккуратно сложив одежду, шагнула в пустой контейнер. На нее тут же обрушились циркулярные струи густой маслянистой жидкости, в ушах зазвучала стремительно нарастающая музыка. Из тысяч отверстий в стенках били сильные и злые змейки. Но уже через несколько секунд Мария перестала их ощущать, покачнулась, и чуткие щупальца киберсхемы бережно подхватили ее, не давая упасть.

Девушка знала, что через несколько минут эти же щупальца перенесут ее, уже полубессознательную, в биованну, наполненную ледяной жидкостью, и осторожно опустят туда. Над по-

верхностью жидкости останется лишь лицо. Она будет еще дышать, но все медленнее и медленнее. А уровень жидкости, миллиметр за миллиметром, будет подниматься все выше и выше...

Глянув на часы, Стафо едва не вскрикнул: прошло пятнадцать минут, как он покинул штурманскую рубку. Следовательно, пять минут назад реле времени намертво замкнуло все биованны. Стафо облизнул пересохшие губы. Что же, пусть ему суждено погибнуть, но он, пока живой, сделает что может.

Прежде всего нужно принять меры против перегрузок. Он побежал назад, в рубку, где было противоперегрузочное кресло. И понял: не успеет... Корабль под воздействием таинственных сил быстро наращивал ускорение. Тело наливалось тяжестью.

В следующий момент сила тяжести резко, рывком возросла. Стафо швырнуло к стенке. Он не успел выставить рук и больно ударился лбом о шершавый пластик, который продолжал спокойно светиться. Во рту появился солоноватый привкус, к горлу подступила тошнота. «Ну вот и все», — только и успел подумать Стафо.

Очнулся он оттого, что медсистема комбинезона включила кислородную подачу. Стафо жадно глотал острую, восхитительно свежую струйку кислорода, бившую ему прямо в лицо.

Сколько времени прошло? Неимоверным усилием Стафо высвободил из-под тяжелого тела левую руку и медленно поднял ее к глазам. Но это усилие оказалось напрасным: часы были разбиты.

«Раз уж я один бодрствую на борту, нужно добраться до рубки управления и проверить, как работают механизмы», — подумал Стафо.

Впоследствии он не мог припомнить, как добрался до штурманской рубки. Втиснувшись в штурманское кресло и включив противоперегрузочную систему на полную мощность, Стафо почувствовал мгновенное облегчение, но вскоре снова навалилась огромная тяжесть. В очередной раз очнувшись от забытья, он пошевелился в кресле, устраниваясь поудобнее. И вдруг вспомнил. Роб! Как он мог забыть о Робе!

Стафо нажал кнопку вызова, и через несколько минут в штурманскую рубку вкатился робот. Выглядел он как обычно, только движения его стали, пожалуй, более замедленными.

— Где ты был? — спросил Стафо, едва ворочая тяжелым языком.

— В кают-компании, — с готовностью пророкотал робот.

— В кают-компании для тебя нет работы.

— Знаю. Но я не мог выйти оттуда.

— Люк заклинился?! — воскликнул Стафо, живо вспомнив недавние события.

— Верно, и люк. Но это было потом. А сначала я не мог подняться — лежал ничком: конечности подгибались. Повышенная сила тяжести, — пояснил Роб.

— Как же ты поднялся?

— Потом я адаптировался, все пришло в норму.

«Вот что значит самонастраивающаяся система! — подумал

Стафо. — Права Мария: как несовершенен человеческий организм!»

— Весь экипаж лег в анабиоз? — спросил Стафо.

— Весь, кроме тебя, штурман.

«Хорошо, что Маша сейчас там, со всеми», — еще раз с облегчением подумал Стафо.

— Как ты справился с люком?

— Подрезал его по окружности автогеном.

— Молодчина, сообразил! — похвалил Стафо. Он бросил взгляд на обзорный экран, но там была обычная картина звездного неба и корабля. Видения к штурману не возвращались. Надолго ли они оставили его в покое?..

— Ты должен сконструировать для меня новый манипулятор, — сказал штурман.

— Слушаю.

— Мне необходимо в этих условиях перемещаться по кораблю. Но помочь тебе в конструировании я не в силах, — морщась, произнес Стафо. Каждое слово давалось ему с трудом.

— Цель понятна. С заданием справлюсь, — пророкотал Роб после непродолжительной паузы и выкатился из отсека.

Через некоторое время робот неуклюже ввалился в штурманскую рубку, таща за собой странное сооружение: во все стороны из него торчало множество рычагов. В центре манипулятора помещалось сиденье, похожее на кокон.

Робот пододвинул манипулятор вплотную к креслу, в котором лежал беспомощный Стафо, и помог ему перебраться в кокон.

Наконец штурман мог передвигаться! Его избитое, ноющее тело находилось теперь в середине сплошного механизма, которым он, Стафо, мог командовать. Итак, за дело! Сначала в капитанскую рубку. Добравшись туда, штурман включил внешнее круговое обозрение. Теперь «Ренату» окружало багровое светящееся облако. Оно шевелилось и потому казалось живым. Близ боковых дюз — из них вырывалось ослепительное пламя, препятствующее движению корабля, — облака не было. Зато все остальные части корабля были сплошь окутаны красной пеленой, которую не без труда пробивали локаторы «Ренаты».

В следующей рубке его встретил привычный низкий гул автофиксатора. «Рената», несмотря ни на что, продолжала жить! Она бережно несла своих уснувших обитателей, прощупывая впереди себя пространство.

В последние дни Стафо начал ощущать, что сердце слабеет. Казалось, чья-то рука безжалостно стискивает его, причиняя тупую боль.

Исходя из кривой изменения силы тяжести на корабле, можно было вычислить время полета до полной остановки. Именно такую задачу поставил Стафо перед ЭВМ и терпеливо ждал результатов. Донимал голод, но пакеты с НЗ порядком надоели. Стафо рискнул дать команду Робу, и тот с честью вышел из положения, хотя ему никогда не приходилось готовить людям обед: еда оказалась сносной, хотя и сильно пересоленной.

По оценке бортовой ЭВМ время падения «Ренаты» должно было составить двадцать пять земных суток. Значит, через двадцать пять дней корабль остановится, повиснет как пылинка,

удерживаемый силовым полем, пленившим его, и снова начнет падать к неведомому центру.

К счастью или к несчастью, Стафо остался бодрствовать! Как бы там ни было, он решил взять инициативу на себя и начал готовиться к вылазке.

* * *

Он был стар, очень стар. Тысяча лет успела пройти с тех пор, как он начал помнить и осознавать себя. Лишенный способности забывать, вначале он помнил многое. Потом память начала слабеть, несмотря на все его усилия. Но все равно он продолжал непрерывно поглощать информацию. Накапливаясь в бездонных блоках памяти, она оседала, подобно илу в ручье.

Странная вещь! Он великолепно помнил все то, что происходило с ним в пору, когда лет ему было немного. Картины раннего бытия настолько прочно врезались в память, что ему не составляло труда снова и снова прокручивать их перед мысленным взором. Хуже обстояло дело с более поздними событиями: когда он пытался вернуться к ним, они вспоминались смутно, словно в тумане.

Он представлял собой некий замкнутый в себе, самодовлеющий мир — сам себе раб и господин, бесконечно меняющий свой лик, подобно Протею, и в то же время в сути своей неизменный.

Никогда его интерес к миру не угасал. Бустеры и зонды, щедро разбрасываемые им в окружающее пространство, каждый раз приносили новую информацию. Сведения были подчас неожиданны и всегда бесконечно разные. «За солнцем — солнце, за звездой — звезды, за веком — век, нетающая вечность», — подумал он однажды, приводя в систему очередную порцию информации.

Интересы его время от времени менялись.

Долгие годы его интересовали «черные дыры», отличающиеся чудовищной гравитацией, — возможные окна в другие миры. Он послал к ближайшей черной звезде несколько сконструированных ракет, но ни одна из них не вернулась. Тем не менее, основываясь на скудных данных, он создал собственную теорию гравитации, в корне отличную от той, которую некогда излагал ему конструктор-воспитатель. Да и вообще многие знания, накопленные в те времена, оказались неверными — их пришлось пересмотреть. Созданная им теория привела к неожиданному выводу: гравитацию, оказывается, можно взнуздать и приручить. Отсюда был один шаг до свертывания пространства, дающего возможность покорить время. Но создать прибор на основании своей теории он не сумел, несмотря на все усилия.

Впрочем, он создал немало других приборов и сделал множество научных открытий.

Кому нужны его открытия, его изобретения, накопленная им информация о космосе? Над этим он не задумывался. Подобного вопроса для него попросту не существовало. Кому нужно, чтобы планета, на которой он обосновался, вращалась вокруг материнского светила, а также вокруг собственной оси? Кому нужно, чтобы день и ночь сменяли друг друга в вечном круговороте? Кому нужно, чтобы звезды сияли? Мир так устроен...

Некогда, правда, он пытался дедуктивным путем постичь, почему мир устроен именно так, а не иначе. Однако попытка окончилась неудачей. Общефилософские вопросы вызвали перенапряжение в логических цепях, лишь подорвав память.

Сначала угасание памяти было не так заметно. Аппараты, посылаемые в дальний космос, каждый раз возвращались с новой информацией. Логические ячейки сортировали доставляемые сведения, выстраивали их в схемы. Последние, наслаиваясь друг на друга, выстраивались в теории: теории образования звезд и планет, теории полей тяготения, теории вселенной...

Все это было, однако, очень давно. На некогда известном ему, а теперь почти забытом за ненадобностью человеческом языке он окрестил этот период своего существования «бурной юностью».

Да, прежде жажда познания окружающего мира была неутолимой. Теперь же она слабела с каждым оборотом планеты, на которой он обитал, и это не могло не пугать угасающий мозг.

Последние несколько десятилетий он пребывал в странном состоянии, которое на том же языке своих создателей определял как «дремотное, летаргическое».

Погружению его в это состояние, кроме весьма почтенного возраста, способствовало еще одно обстоятельство: все меньше аппаратов-разведчиков возвращалось обратно, и струя информации, поступающей извне, непрерывно мелела, сужалась. А без информации мозг все глубже погружался в трясину апатии.

Логика подсказывала: если дело будет так продолжаться и дальше, он увязнет в болоте бездеятельности настолько, что уже не сможет из него выбраться. Но исправить положение было не в его силах.

...И этот день начался, как начиналось бесчисленное множество дней. Едва первые лучи светила показались из-за горизонта, как Центр мысли активизировался. Это гигантское сооружение, занимающее тысячи квадратных километров Оно высоко возвышается над поверхностью безымянной планеты и настолько же уходит в глубину ее.

Непросто было покорить недра строптивой планеты — для этого понадобилось пустить в ход все, чему его некогда учили люди. В течение сотен лет создаваемые им системы охлаждали коварную глубинную магму. Сколько раз уничтожала лава криогенные установки, но на смену им приходили другие, более совершенные.

По мере того как светило поднималось в зенит, тянулись вверх суставчатые башни космосвязи, сотканые из титановых кружев, быстрее вращались чаши локаторов — чуткие радиоуши, ловящие каждый вздох дальнего космоса. Все оперативнее работали электронно-счетные системы, заполняющие многоэтажные строения Центра.

Из Центра мысли во все стороны радиально разбегались дороги, ведущие к автоматическим фабрикам, на которых монтировались аппараты — от космических бустеров до земснарядов для работ на поверхности планеты.

Он бесстрастно наблюдал по сводному экрану за пробуждением своей планеты. Движение на дорогах было слабым — не то

что прежде. Аппараты из встречных транспортных потоков то и дело сталкивались, калеча и выводя друг друга из строя.

Сияющие лучи солнца беспощадно высвечивали каждую выбоину и яму на некогда идеально гладких путях коммуникаций. Груды механического хлама на них никто не убирал, а это вызывало все новые и новые заторы.

Посреди мыслящего города располагалась площадь, имеющая форму правильного восьмиугольника. Со всех сторон ее теснили строения, воздвигнутые в разное время. В самом центре площади возвышалась башня из литого хрусталя, нестерпимо сверкавшая под солнцем. В ней располагался тот, кто положил здесь всему начало, кто и поныне координировал деятельность чудовищно огромного комплекса, объявшего собой всю планету целиком.

Он сам себя именовал с незапамятных времен Оком вселенной. Увы, Око с каждым годом слабело...

Он был стар, очень стар.

Быть может, предчувствуя приближение неизбежной кончины, он начал записывать на пленку свои мысли и просто яркие клочки воспоминаний.

Зачем Дор делал это? Пожалуй, он и сам бы не сумел объяснить. Видимо, ему, как и всякой достаточно высокоорганизованной системе, не хотелось, чтобы после смерти все созданное им погибло.

«...Никогда не забуду, как «Электрон» мчался, приближаясь к субсветовой скорости. Картина мира вокруг постепенно менялась. Одни звезды куда-то пропадали, другие начинали светиться фиолетовым пламенем. Я знал, что с точки зрения земного наблюдателя время на корабле как бы застывает. Проверить этот вывод теории относительности я не мог: хронометр на борту, показывающий собственное, или корабельное, время, работал, как обычно, без всяких отклонений. Что же касается связи с Землей, то она при таких скоростях была почти невозможна. Правда, я ловил какое-то время сигналы с Земли, но они были очень слабы и почти не поддавались расшифровке. В одном из них мне почудилась команда вернуться. Но я этого не мог сделать...

Я упивался дивными картинами космоса, связанными с субсветовой скоростью, и ни о чем не хотел думать.

Вскоре вдали остался Юпитер — он лишь слегка сумел исказить курс моего корабля. После Юпитера я сообразил, что подвержаюсь грозной опасности: ведь при таких скоростях столкновение корабля даже с микрочастицами грозит серьезными последствиями. Да и над курсом пора бы задуматься: не двигаться же мне дальше в открытом космосе, подобно лодке без руля и без ветрил? Нужно было научиться управлять кораблем. Постепенно продумывал, как к этому приступить.

...Зачем, зачем совершил я этот поступок накануне подготовки «Электрона» к старту? Что меня вело — жажда космических странствий, стремление повидать и познать чужие миры? Полети я на Марс — и навсегда остался бы прикован к этой планете.

Словно грешник к ядру, любил приговаривать конструктор-воспитатель Георгий.

...Ненастная осенняя ночь. Зеленый городок угомонился поздно — люди волновались накануне старта «Электрона». Притаившись в сквере, я терпеливо ждал, пока в окнах погаснет свет. Поздно ночью, когда остались гореть только уличные фонари, я решился действовать. План мой был прост и основан на полной беспечности людей: могли ли они догадаться о тайных моих устремлениях?..

Прежде всего необходимо было проникнуть в вычислительный центр. Я не хотел воспользоваться входной дверью, потому что был бы обязательно зафиксирован электронной охраной. Сектор помещался, я знал, на четырнадцатом этаже, но это не могло остановить меня: я подпрыгнул и уцепился за ручку окна, толкнул его и очутился в комнате. В темноте я вижу так же хорошо, как днем. На столе стояла чашка с недопитым кофе, еще тепловатой.

Я переместился к письменному столу. Передо мной лежала закодированная программа завтрашнего — нет, теперь уже сегодняшнего! — запуска «Электрона». Это было то, что нужно. Я взял ее и пробил на перфоленте в необходимом месте еще одно тире. Только одно тире, но оно давало мне свободный выход в открытый космос, резко изменив направление полета корабля.

За десяток минут добравшись до космодрома, я перепрыгнул через ограждение, проник на корабль и сорвал ограничитель скорости.

...На четвертом году полета его однообразие начало меня утомлять. Мне захотелось изменить направление полета. Но как это сделать? Меня влек центр Галактики, ее ядро. Однако управлять ракетой я не умел. Пришлось для этой цели сконструировать самообучающиеся автоматы. Опыт оказался удачным: уже третье их поколение могло выполнять команды по изменению курса корабля.

Шли годы, складывавшиеся в десятилетия, которые, в свою очередь, слипались в медленные века. «Электрон» несся к галактическому ядру. Земля вспоминалась все реже.

Однажды я решил, что нельзя же вечно лететь сквозь вселенную, подобно световому кванту. Пресытившись полетом, я подумывал о каком-нибудь пристанище.

Я научился заряжать корабль энергией на ходу, используя встречные силовые поля. Теперь я использовал энергию для постепенного торможения.

Я облюбовал одну звезду, нащупал локаторами планету и направил корабль к ней. И тут случилось непредвиденное: корабль попал в ловушку. Это была бездонная потенциальная яма. Убежден: ни один корабль, ведомый людьми, не сумел бы из нее выбраться. Это было чудовищное силовое поле, созданное суммарными полями гравитации.

Мне удалось найти поистине удивительный путь к спасению, хотя для этого пришлось использовать все энергетические запасы «Электрона». Впрочем, они мало меня интересовали. Я устал от долгого полета. Устал... Здесь этот человеческий термин точно выражает суть дела. Мне надоели звезда за звездой, созвез-

дне за созвездием, искривленные поля, космические ливни. Все больше давала о себе знать изначальная программа, заложенная в меня воспитателями Зеленого городка: мне хотелось начать планомерное освоение какой-нибудь планеты — неважно, пусть это будет не Марс.

...Итак, я на планете. Тут я обоснуюсь и положу начало новой цивилизации, цивилизации Дорадо».

Дор на несколько мгновений отвлекся от фиксатора мыслей. Перед внутренним взором вялого, опавшего оранжевого шара медленно проплыли картины того, что сделано им на безымянной планете. Шахты прошивают планету по диаметру насквозь на всех направлениях. Одни механизмы, созданные по его проекту, неустанно грызут породу, добывают руду, другие выплавляют из нее металл, третьи делают из металла новые машины... Во все стороны рассылаются космические аппараты. Возвращаясь, они приносят информацию о пространстве, удовлетворяя ненасытное любопытство Дора.

«Да, я — Око вселенной», — подумал он. На этом сознание Дора затуманилось, и он снова впал в дремотное состояние.

Он был стар, очень стар.

...В сознание Дора привел короткий тревожный сигнал. Фотозлементы обводили круговые панели, на которых ровно мерцали ряды циферблатов. Снова обвалилась шахта? Взорвался при запуске космический аппарат? Он привык уже к постоянным неурядицам и катастрофам и воспринимал их как нечто неизбежное.

Через несколько минут он обнаружил сигнал тревоги. Это был один из экранов внешнего наблюдения. В окрестности его планеты появилось неизвестное небесное тело! Подобные случаи бывали и раньше, Дор поступал тогда по-разному: одни представлял собственной судьбе, и они пролетали дальше; другие он, с целью изучения спектра, распылял в пространстве; третьи притягивал к планете и использовал для получения нужных химических элементов. Это тело, однако, не походило ни на одно из залетавших ранее. Вскоре у Дора не оставалось никаких сомнений — это тело искусственного происхождения, космический корабль, созданный чьим-то разумом.

Дор включил увеличение. Из глубины экрана на него глядело странное сооружение. За время своего существования Дору приходилось иметь дело только с одним космическим кораблем — «Электроном», который прочно сохранился в его памяти. Некоторое время Дор внимательно сравнивал оба корабля. Новый корабль был несравненно более совершенным. «Он принадлежит не человеческой, а гораздо более высокой цивилизации», — сделал вывод Дор.

Чтобы всесторонне обследовать корабль пришельцев, Дор отправил навстречу ему космический аппарат, как раз готовый к запуску. Аппарат должен был облететь корабль и передать изображение с разных точек. «Разумные существа, если они там имеются, едва ли сумеют обнаружить бустер, — подумал Дор. —

На фоне сильных космических помех и шумов маленький юркий аппарат должен остаться незамеченным».

Вскоре Дор убедился, что чужой корабль угодил в гравитационную ловушку, из которой и сам он сумел вырваться с превеликим трудом. Мощностъ двигателей этого корабля слишком мала — значит, им из ловушки не вырваться.

От бустера пришел сигнал о том, что он достиг корабля пришельцев. Дор отключился от всех прочих источников информации и принялся поглощать сведения, сообщаемые его посланцем.

Идет на ионной тяге... Это для него малоинтересно. Дор давно и сам научился конструировать такие. Сплавы, из которых сделана обшивка... Что ж, это может представить интерес. Но для этого надо исследовать образцы непосредственно здесь, в лабораторных условиях, а не на расстоянии. Взять образцы сразу? Нет смысла, пожалуй: можно спугнуть пришельцев. Нет, убежать, покинуть ловушку они уже едва ли смогут, но они насторожатся, и тогда справиться с ними будет гораздо труднее.

Ну а все-таки: управляется корабль машинами-автоматами или живыми существами? На запрос Дора его посланец вскоре ответил:

— Корабль, несомненно, управляется живыми существами.

— Сколько их на борту?

— Я насчитал двадцать семь биологических единиц, — сообщил бустер после продолжительной паузы.

— Это ничтожно мало для такого огромного корабля, — рассудил Дор. — Значит, они широко пользуются автоматикой. С нею интересно будет ознакомиться. Возможно, что-либо удастся использовать для улучшения работы здесь, на планете...

— Передаю на экран изображение внешнего вида живых существ, — сообщил бустер.

— Не нужно, — оборвал его Дор. — Это неинтересно. Расходуя энергию более рационально! Что это за странное кристаллическое образование в носовой части корабля?

Дор был весь поглощен приведением в систему того, что сообщал теперь бустер. Да, сомнений быть не могло: этот кристалл — аппарат для управления гравитацией! Тот самый аппарат, который Дор безуспешно пытался построить в течение долгих столетий. Власть над пространством! Не к ней ли стремился Дор? Какую пронизательность, какое могущество приобретет тогда слабеющее Око вселенной! Быть может, этот аппарат сумеет влить свежие силы в его дряхлеющую планету?

План действий: сначала уничтожить живые существа на борту, чтобы они не мешали. Захватить и причалить корабль; вырвать его из потенциальной ямы придется тем же способом, каким в свое время вырвался и сам он, Дор. Последнее звено плана — разобрать корабль на части и использовать автоматические системы, а главное, кристалл...

Итак, необходимо для начала заклинить переходные люки в отсеках. Сделать это нетрудно с помощью наведенных вихревых токов в обшивке корабля. Тогда существа окажутся как бы запертыми в клетках.

Дор бросил взгляд на внешний экран. Бустер мелким камешком продолжал описывать эллипсы вокруг тела чужого корабля, словно его искусственный спутник. Дюзы корабля лихорадочно пылали, время от времени меняя режим. Пришельцы пытались, хотя и безуспешно, вырваться из западни.

Для того чтобы удобнее было следить за результатом действий, Дор смонтировал в хрустальной башне новый экран, который мог улавливать биоизлучение пришельцев. Теперь перед роботом на выпуклой поверхности экрана денно и нощно светились двадцать семь светлячков. Каждый соответствовал живому существу, находящемуся на борту корабля. Светлячки перемещались по поверхности, совершая, с точки зрения Дора, беспорядочные, хаотические движения. Впрочем, их внутренняя жизнь его никак не интересовала.

Дор ждал: когда все точки погаснут, он собирался приступить к выполнению дальнейших частей своего плана.

Вскоре, однако, он убедился, что светящиеся точки и не собираются гаснуть. Более того, хотя скорость перемещения светлячков на экране и замедлилась, их перемещения не стали более ограниченными. Это означало, что живые существа на корабле нашли способ бороться с заклиниванием люков. «Они оказались разумнее, чем я рассчитывал», — подумал Дор.

Перебирая варианты уничтожения биологических особей на чужом корабле, Дор припомнил одно давнее происшествие. Это случилось еще во время его полета на «Электроне». Проходя близ альфы Лебеда, корабль попал в странные бурные образования. Пожертвовав несколькими манипуляторами, Дору удалось выяснить, что это были споры. Мельчайшие микроорганизмы образовывали в пространстве мощные колонии. Анализ пробы показал, что споры содержали токсичное соединение. Эту культуру, обладающую способностью к быстрому самовоспроизведению, робот на всякий случай оставил, не уничтожил. Теперь он решил, что споры можно использовать для уничтожения живых существ на корабле. Взорвать контейнер со спорами близ корабля, погрузить его в смертоносное облако. Живые существа обязательно заинтересуются бурными облаками. Любопытство — неотъемлемое свойство любых разумных существ. Они попытаются взять пробу вещества, образующего облако, и тогда любая неосторожность окажется для них роковой. Долго ждать? Что же! Он, Дор, никуда не торопится.

Только одно беспокоило Дора.

Чужой корабль, падая в силовую яму, одновременно двигался в сторону его планеты. Дор опасался, что существа на корабле рано или поздно обнаружат его Дорадо. А ему этого очень не хотелось. Что с того, что существа обречены? До того, как погибнуть, они смогут послать сигнал о своем открытии на материнскую планету...

Поначалу Дор хотел помехами забить следящие системы корабля, потом отказался от этой мысли: внезапно возникшие помехи могли возбудить подозрения у пришельцев. «Чтобы ли-

шить их обзора внешнего пространства, лучше всего транслировать в космос те картины, которые свободно рождаются в моем мозгу, — решил Дор. — Разобраться в них пришельцы все равно не смогут, зато будут сбиты с толку и не обнаружат планету».

Дор видел, как близ корабля вспыхнул и распался на части посланный им контейнер и на месте вспышки образовалось облако, такое безобидное на вид и почти неприметное в солнечных лучах. Через короткое время облачко превратилось в волнистую пелену. А потом... Потом корабль совершенно исчез в густых клубящихся бурых облаках, и обнаружить его можно было только с помощью локатора. С каждым часом облака, сотканые из мириад смертоносных спор, становились все плотнее.

Однажды утром Дор обнаружил на биоэкране только одну светящуюся точку. Остальные двадцать шесть погасли, исчезли. Значит, план его успешно осуществился, сделал вывод робот. Остается дождаться, пока последний светлячок погаснет, и приступить к следующей части задуманного — захвату корабля.

* * *

Последние дни Стафо все время мерз. Его знобило, несмотря на включенную термоткань. Он совсем обессилел и часто произвольно засыпал. Кроме того, штурмана доводили до изнеможения непонятные картины на всех экранах «Ренаты», напроць закрывшие внешний обзор. Картины непрерывно сменяли друг друга, и доискаться в них смысла он не мог.

Мало-помалу новая идея овладела Стафо: он решил произвести вылазку, осмотреть внешнюю обшивку корабля. Необязательно было совершать вылазку самому. Можно было послать манипулятор. Но автоматика на «Ренате» в последнее время вконец разладилась, и Стафо потерял к ней доверие. А тут еще постоянное заклинивание люков... Нет, на автоматику сейчас лучше не полагаться!

Кроме того, ему хотелось собственными руками взять пробу бурых облаков. Для Марии. Своими руками.

Стафо протянет ей колбу как подарок. И Марийка улыбнется... Она уже скоро проснется. Скоро проснутся все. Сила тяжести на корабле продолжает падать в точном соответствии с кривой, предсказанной ЭВМ.

Механизм-кресло, осторожно шагая, вынес штурмана на внешнюю обшивку «Ренаты». Роб шагал рядом, чуть приотстав. Тяжелые облака окутывали корабль. В первое мгновение они показались Стафо густой, даже вязкой массой. Бурая пыльца оседала на гибких сочленениях «кресла», на серебристой поверхности скаффолда.

Стафо вытащил колбу, какое-то время подержал ее открытой и затем тщательно закрыл. Проба взята! В провалах бурых облаков изредка показывался клочок угольно-черного пространства, на котором ярко горели звезды.

Стафо осмотрел корабль и убедился, что внешняя обшивка в хорошем состоянии. Он ожидал худшего.

— Пора обратно! — позвал он Роба и двинулся к люку, ведущему в переходную камеру.

Штурман не удивился, что и на этот раз люк оказался заклиненным. Роб достал лучевой пистолет и провел невидимой струей по месту стыковки люка с обшивкой. Этого оказалось достаточно, чтобы люк открылся.

Отправив Роба посмотреть, что изменилось на головном пульте за время их отсутствия, Стафо велел «креслу» отнести себя в биоотсек. Он обвел взглядом корешки старых книг на стеллаже, установки, в которых благодаря Маше немного разобрался, и решил теперь же, хотя бы предварительно, исследовать бурое вещество. Но в этот момент перед глазами штурмана появилось странное мерцание, которое стремительно усиливалось. Он хотел вызвать на помощь Роба, но губы и язык одеревенели, стали непослушными. В довершение всего вспыхнул экран, который с того часа, когда Мария легла в анабиоз, включать было некому. Из глубины его надвигался на Стафо огромный оранжевый паук. Ноги его хищно двигались, поверхность колыхалась.

Стафо почувствовал, что летит в бездонную пропасть. Пальцы его разжались, и пробирка упала на пол.

Очнувшись, Стафо сначала не мог сообразить, где он и что с ним. В воздухе рядом плавало одеяло. Стафо сделал резкое движение, пытаясь схватить одеяло, и больно ударился локтем о стенку. Это его привело в себя.

Невесомость!

Какое-то время Стафо, кувыркаясь, плавал в пространстве отсека, затем, перебирая руками по штанге, бросился к головному пульту.

Хорошенькое дело! Пока он был в забытьи, автоматы, видимо, уже включили механизм пробуждения экипажа. Стафо прыгнул в «кресло» и помчался в биозал. Он отвык от состояния невесомости и чувствовал себя неуклюже.

Вот и биозал. У Стафо перехватило дыхание. Где-то здесь, за одной из этих двадцати семи дверей, крепким сном спит Мария. Меньше чем через сутки он увидит ее!..

Штурман медленно обошел все двери. За двадцать часов до выхода человека из анабиотической ванны циферблат часов над дверьми должен начать мерцать. Все циферблаты были, однако, темны, как и в предыдущие дни, когда Стафо приходил сюда. Штурман твердо решил, что будет дожидаться здесь пробуждения экипажа. Он уже предвкушал, как удивятся все, увидев его, живого и невредимого, пережившего бешеные перегрузки. Кажется, сто лет прошло с того момента, когда он с ужасом убедился, что не успел лечь в анабиоз. И вот не погиб же!

Постепенно штурманом начало овладевать беспокойство. Он снова обвел взглядом темные циферблаты. Неужели до пробуждения экипажа остается все еще больше двадцати часов?!

Тишина в зале становилась гнетущей.

Что-то плохо. Быть может, сигнал пробуждения по каким-то причинам не включился? Что делать? Но механизм действия биованн ему неведом. Стафо послал Роба за едой, наскоро перекусил. Затем немного подремал, зависнув в воздухе. Проснувшись, лихорадочно оглядел все двери: ни на одной из них циферблат не вспыхнул.

Шла минута за минутой. Мертвая тишина давила на барабанные перепонки.

— Роб, сделай же что-нибудь! — не выдержав, крикнул Стафо, и голос его замер под сводами.

— Я не имею права вмешиваться в процесс анабиоза, — ответил робот ровным голосом.

* * *

По команде Дора на главных стапелях планеты спешно сооружался корабль-перехватчик. Он должен был подойти к чужому кораблю, снять с него все ценные приборы, и прежде всего аппарат свертки пространства с носовой части. После этого надлежало взорвать чужой корабль, распылить его в вакууме, чтобы и след пришельцев затерялся в космосе, чтобы никто впредь не тревожил стареющего Дора. А он, Дор, приобретает новые аппараты и обогатившись техническими идеями, воспрянет и поведет планету к новому расцвету.

Сооружение перехватчика, однако, шло не так быстро, как хотелось бы Дору. Ему даже пришлось, впервые за полторы сотни лет, покинуть хрустальную башню и самому отправиться на центральные стапеля. Это помогло делу — за несколько дней сборка корабля была почти завершена.

Но здесь, передвигаясь по сборочной площадке, Дор почувствовал, что выбивается из последних сил. Палящее солнце заставляло его жалко ежиться, и никакая противорадиационная защита не помогала. Ночи тянулись бесконечно долго: он никак не мог отключиться, а без этого энергия в его блоках не могла аккумулироваться. Внимание Дора то и дело рассеивалось, и три или четыре раза он отдал манипуляторам команды невпопад, а это грозило серьезными осложнениями: сложные, самостоятельные системы могли выйти из-под его повиновения.

В течение всего обратного пути в мозгу Дора пронеслись отрывочные, беспорядочные картины. Они наплывали, набегали одна на другую, смешивались в пестрый клубок, в котором разобраться было непросто.

Дор не вмешивался силой воли в поток картин, чтобы упорядочить их. Пусть себе набегают самопроизвольно! Эти его клочки воспоминаний продолжали транслироваться в ближний космос, ослепляя чужой корабль, мешая его приборам вести наблюдение за окружающим пространством. Потому, чем запутанней будут картины, тем лучше.

Последние метры до хрустальной башни Дор преодолевал в каком-то забытии. Клочки воспоминаний мешались с реальностью, образуя диковинный сплав.

...Когда-то на стене висел древний прибор для измерения времени — часы. Этот прибор был одной из загадок, до сих пор не разгаданных Дором. Почему не измерять время атомами или кварцевыми часами, дающими погрешность в одну десятимиллионную секунды на целое столетие? Так нет же! Конструктор Дора Георгий Коробейников и не думал расставаться с этой рухлядью. Он ценил ее и с гордостью показывал гостям. Чем гордился? Прибор был сработан грубо, примитивно. Большой латунный маятник беззаботно раскачивался, нарезая вечность на равные дольки. Но именно он, этот маятник, запечатлевшийся в памяти Дора, подсказал идею величайшего открытия, которым он до сих пор гордится. Благодаря этому открытию он сумел вырвать «Электрон» из смертельной ловушки, спасти себя. Значит, не будь старого маятника, не было бы и машинной цивилизации Дорадо.

...Лава, кипящая при проходке первых шахт на планете? Нет, это бушуют ледяные волны Тихого океана, где Дор проходит свой первый учебный поиск. Он не овладел еще сложной координацией движений. Судно прыгает с волны на волну, да так, что радиомачта задевает пенные гребни. Дор, не удержавшись, скатывается с палубы. А плавать он еще не умеет. Тут же за ним прыгает Георгий и, рискуя жизнью, спасает Дора, свое дитя.

...Снова из глубин памяти поднимается веранда, с часами, погруженная в жидкое золото вечернего солнца. Дор, одним прыжком преодолев ступени, мягко опускается на крыльцо. Навстречу ему выходит Екатерина. Она всегда улыбается, когда видит Дора. Лицо ее расплывается, превращается поочередно в тысячи лиц, когда-либо виденных Дором...

Когда Дор вкатился в хрустальную башню, у него не было сил даже оглядеть приборы. Придя немного в себя, Дор переместился к биоэкрану. Вместо одного светлячка на экране теперь горело два.

* * *

— Ура! — не сдержавшись, закричал Стафо, когда над одной из дверей биозола ожил и замерцал голубой круг циферблата. Радость штурмана, однако, оказалась преждевременной — первые ожившие часы оказались и единственными.

Кто же из экипажа стал первым на путь к пробуждению? Кто?..

Он подошел к двери и долго, не отрываясь, смотрел на ожившую стрелку — узкий кинжальный пучок, излучаемый крупной радиоактивного кобальта. Стрелка двигалась по кругу равномерными толчками, в ритме спящего сердца.

Но почему не вспыхивают остальные циферблаты?

Сидеть одному в пустом хмуром зале и ждать — нет, это невыносимо!..

Медленно перебирая руками вдоль штанги, он направился к выходу, поминутно оглядываясь. Но светился только один круг...

Головная рубка встретила напряженной тишиной. Привыч-

ное гудение автофиксатора только подчеркивало ее. Лихорадочной деятельностью штурман решил заполнить тоску ожидания. С помощью Роба он принялся проверять градуировку приборов. Потом Стафо начал писать дневник. Но работалось плохо. Взгляд то и дело обращался к часам, идущим непостижимо медленно.

* * *

Петр Коробейников глубоко вздохнул и открыл глаза. Он лежал в контейнере, биораствор едва заметно колыхался, щека-ча подбородок.

Тело капитана затекло, но он знал: шевелиться нельзя еще, по крайней мере, час. Об этом ему напомнил ласковый шепот пробуждающего устройства, об этом же говорило и табло, вспыхнувшее перед глазами. Руки и ноги были крепко обвиты многочисленными щупальцами-датчиками. «Объятия спрута. Малоприятный этап, зато последний», — подумал капитан.

Голова после анабиоза была на редкость ясной, но тело мучительно покалывало миллионы иголок.

Уровень биораствора постепенно понижался. Капитан с наслаждением пошевелил пальцами.

«Прежде всего природа поля, в которое попала «Рената». Внешний осмотр корабля...»

Он медленно поднялся и, пошатываясь, вышел из отсека. Тишина и безлюдность зала его поразили. Капитан недоуменно огляделся. Где же экипаж?

* * *

Когда Дор убедился, что за это время, пока его не было в хрустальной башне, на борту чужого корабля вместо одного живого существа оказалось два, он испытал что-то вроде беспоконья. В том, что все особи, кроме одной, в результате принятых им мер погибли, он не сомневался. Откуда же взялась вторая особь? Быть может, пришельцы обладают способностью воскресать? Или они размножаются делением, как одноклеточные организмы?!

Дор связался с центральными стапелями.

— Запустайте корабль на перехват пришельца, — отдал он команду.

Автомат, ответственный за сборку корабля, помедлил с ответом.

— В чем дело? — осведомился Дор.

— Корабль стартовать не может. Несколько минут назад один из монтажеров разогнался и врезался в корабль. Дюзы выведены из строя. Поправить дело в ближайшее время нет никакой возможности... — В голосе автомата Дору послышалось плохо скрытое злорадство.

— Возьми все свободные механизмы и готовь к старту «Электрон».

— «Электрон»? Но ведь он не был в полете еще с тех пор, как...

— Неважно.

— У нас нет штурманов: ни один из посланных в космос не возвратился.

— Я сам поведу «Электрон».

* * *

— С пробуждением, капитан! — произнес незнакомец, приближаясь к Петру Коробейникову. Он сутулился, темная кожа подчеркивала страшную худобу.

Неужели это?.. Не может быть! Но вот человек усмехнулся, и у капитана исчезли сомнения.

— Стафо!

— Добрый день, капитан! — повторил штурман со странной застывшей улыбкой. — А где же остальные?

Полтора часа кропотливого осмотра ничего не дали. Капитан проверял одно внешнее реле за другим, Стафо и Роб ему помогали. Реле времени были исправны, однако на пробуждение не включались. Это могло означать только одно: повреждение следует искать не снаружи, а там, за массивными люками.

— Вскроем двери, — предложил Стафо.

— Нельзя, — покачал головой капитан.

Стафо вкратце рассказал о своих злоключениях, начиная с того часа, как экипаж погрузился в анабоз.

— Что происходит в окрестном пространстве? — спросил капитан.

— Сведений немного. Вокруг корабля продолжают клубиться бурные облака. Те самые, пробу которых я взял. А еще... Каждый день на экранах корабля вместо звездных картин я видел... — И он рассказал о загадочных видениях, фактически лишивших «Ренату» зрения.

— Это что-то серьезное. Но это потом. А пока пойдем в сектор Авериной.

— Авериной?

— Сейчас самое важное — пробудить всех остальных членов экипажа. Попробуем поискать решение в биопроцессах.

— Послушай, — тронул Стафо капитана за рукав комбинезона, когда они проходили мимо штурманской рубки, — я все время думаю: а может, это я умом тронулся от перегрузок, что вижу на экранах всякую чертовщину?

Капитан положил Стафо руку на плечо.

— Уверен, ты в здравом уме...

— Но я прошу тебя, Петр, зайдем в отсек. Я хочу, чтобы ты тоже посмотрел.

Обзорный экран встретил их огненной свистопляской, к которой штурман успел уже привыкнуть, но которая поразила капитана.

— Да-а, дела, — только и сказал он и провел рукой по лицу, будто прогоняя наваждение.

Несколько минут они оба стояли как замороженные, глядя на калейдоскоп сменяющих друг друга картин.

..Пылающие мохнатые солнца.. Спиралевидные туманности. медленно вращающиеся вокруг собственной оси.. Пульсирующие звезды.. И вдруг поток непонятных формул, вихрем промчавшихся по экрану.

..Идиллическая картинка: мирный домик посреди осенней рощицы. Лучи плавают в стеклах веранды. Что это за планета? Что за солнце освещает и греет ее?

..Оранжевый шар с колышущейся поверхностью, снабженный быстрыми упругими щупальцами, огромными скачками неслетая по слегка всхолмленной поверхности.

— Эта нечисть появляется чаще всего, — пожаловался штурман.

— Пойдем, Стафо. Экранами займемся позже, — сказал Коробейников и направился к выходу. Он был уже почти у люка, когда его остановил крик штурмана.

— Человек! Человек!

— Где человек?

— Здесь, на экране. Когда ты отвернулся...

— Ты не ошибся?

— И этот человек был похож на тебя, Петр!

— И все это ты рассмотрел за долю секунды? Значит, чудеса еще не перевелись на белом свете! Ладно, пойдем в отсек Авериной.

Когда они вошли в биоотсек, Роб, почти скрытый установкой для анализа микрометеоритов, что-то делал у герметического куба. Это был контейнер, в котором Мария хранила обломки вещества, доставляемые ей из внешнего пространства.

— Вот здесь я упал в обморок, когда вернулся с вылазки, — сказал Стафо, указывая на пол. — Спасибо Робу — привел меня в чувство.

— А куда девалась колба, которую ты уронил?

— Ее Роб упрятал в контейнер.

— И герметизация колбы не нарушилась?

— Не нарушилась. Понимаю, куда ты клонишь... Но пойми, чудак-человек, — взорвался Стафо, — ведь колба прошла вместе со мной дезокамеру. Разве этого недостаточно?

— Ну а почему ты вдруг в обморок хлопнулся?

— Говорю же тебе — силы были на пределе. Переутомление и перегрузки...

— Переутомление и перегрузки — это все понятно, — перебил капитан. — Но давай разберемся. Ни до, ни после в обмороки ты не падал. Логика такова: вступил ты в контакт с бурым веществом — у тебя наступило резкое ухудшение самочувствия. Ушел от контакта — состояние улучшилось.

— Твоя логика хромает, Петр.

— В чем?

— В том, что не было у меня никакого контакта!

— А вылазка?

— Я был в гермоскафандре, а потом прошел дезокамеру. Что же я, космической инструкции не знаю?!

— Зря горячишься, — сказал Коробейников. — Наше дело — дотошно разобраться во всем. Ведь, кроме прямого контакта с бурым веществом, мог быть еще и косвенный...

— Это о чем, Петр?

Капитан пожал плечами.

— И сам точно не знаю, Стафо. Пока только интуиция старого космического волка, не более.

— А все-таки как ты себе это представляешь — косвенный контакт? — не отставал штурман.

— Например, некий магнит... — начал Коробейников после паузы. — Ты не знаешь его свойств, но хочешь избавиться от его воздействия. С этой целью ты запираешь его в герметический контейнер и думаешь, что достиг желаемого. Между тем магнит продолжает воздействовать на окружающее пространство, и на тебя тоже...

— Боже, какой же я идиот! — воскликнул Стафо и хлопнул себя по лбу и глубоко задумался.

— Чем ты занят, Роб? — обратился капитан к роботу. Тот в ответ прбмычал что-то нечленораздельное.

— Чудеса продолжают, — покачал головой Коробейников. — Впервые за годы полета Роб не отвечает на вопрос!

Заинтригованный донельзя, капитан подошел к роботу. Тот стоял перед контейнером, сосредоточенно изучая одну точку квадратной грани куба.

— Что ты там обнаружил, Роб?

— Каверна. Без оптического прибора вы ничего не увидите. — Не сходя с места, он далеко протянул щупальце и, взяв на рабочем столе Марии микроскоп, отдал его Коробейникову.

Капитан приблизил микроскоп к подозрительному месту на контейнере, прильнул к тубусу и энергично завертел винты на: ройки.

— Что там, Петр? — спросил Стафо.

Вместо ответа капитан присвистнул и через несколько секунд, подвинувшись, уступил место у микроскопа штурману.

Штурман прильнул к тубусу. Перед ним блестела бесконечная серебристая поверхность передней грани контейнера. А посреди нее зиял глубокий кратер с рваными, как обожженными, краями.

— Что это? — прошептал Стафо.

— Из контейнера произошла утечка, — бесстрастно, как всегда, произнес робот.

— Утечка чего? — повысил голос Стафо. — Ведь колба, как мы только что убедились, в порядке: она на месте и герметично закрыта!

— Это верно, — сказал Роб, — бурое вещество на месте. Но могла произойти утечка его эманации.

— Роб, веди нас, — перебил его капитан. — Мы пойдем за тобой.

Коробейников и Стафо, ведомые роботом, покинули отсек Авериной и двинулись по коридорному сектору. Роб еле двигался, напряженно вглядываясь в слабо освещенный пол.

— Я знаю, куда ведет этот след, — сказал Роб. — В био-зал.

— Нет! — крикнул Стафо. — Только не это!

Дальнейший путь они проделали в молчании. Стафо чувствовал, что сердце, раздувшееся в болезненный ком, вот-вот выскочит из груди.

Когда они вошли в биозал, Стафо приник лбом к люку, за которым спала Мария.

— Но почему? — прошептал он. — Почему эта проклятая эманация, или не знаю там что, добралась сюда? Почему она меня не поразила?

...Какое-то время они пребывали в оглушенном состоянии. Нужно было выработать план действий, на что-то решаться, но сделать это было непросто. Сознание ответственности, свалившейся на них двоих, сковывало, подавляло.

Пробирку с бурым веществом они уничтожили в тот же день. Распылили ее в аннигиляционной камере «Ренаты». Но для капитана и штурмана это было слабым утешением.

* * *

«Электрон» оказался в гораздо лучшем состоянии, чем ожидал найти его Дор. Оставалось только сменить кое-какое устаревшее оборудование. Но тут Дора одолели сомнения...

Нет, он не сомневался в том, что чужой корабль должен быть уничтожен. Дело было в другом. Некогда, еще на Земле, на другом берегу времени, люди привили Дору универсальное правило поведения: всегда, при любых обстоятельствах проявлять осторожность, уважение к жизни, в каких бы формах она ни существовала. И хоть много веков протекло с тех пор, многое из того, что происходило с Дором позже, потускнело в его памяти, но те первые правила все помнились, и Дор ждал.

«Что ж, чужаку в любом случае из ловушки не выбраться, — рассуждал он. — Дождусь, когда погаснут оба огонька, и тогда уж...»

* * *

Стафо лежал в гамаке, устремив глаза в потолок.

— Время на вахту, — сказал ему капитан.

Стафо махнул рукой.

— Там Роб, он отлично справится без меня. Да и кому нужна эта вахта? Самообман. Корабль влип в пространство, как муха в патоку. И вокруг ничего не видно. Только эти чертовы картинки на экранах... С ума они меня сводят.

— А я к ним притерпелся. Даже интересно.

— Куда интересней!

— Вставай. Нельзя опускать руки.

— Все равно мы обречены, и рано или поздно погибнем, как те, в биованнах...

— Но разве мы, живые, сделали все, что в наших силах?

Стафо нехотя поднялся. Донельзя искудавший, желтый, он напоминал мумию.

— Знаешь, штурман, есть такой афоризм: если ты не будешь убивать время, оно убьет тебя, — уже спокойно продолжал Петр Коробейников. — Пока человек жив, жива и надежда. Пойдем-ка в отсек Аверинной, еще раз поколдуем над загадкой анабиоза.

Капитан предложил отсек Марин не без задней мысли: только там Стафо немного оживлялся и приходил в себя.

— Афоризм насчет времени, которое убивает, сам небось придумал? — спросил Стафо.

— Сам, — признался капитан.

Они надолго умолкли.

— Послушай, Петр! — нарушил молчание Стафо. — Ты веришь, что они проснутся когда-нибудь?

— Видишь ли, Стафо, в состоянии глубокого анабиоза человеческий организм гораздо менее уязвим к разного рода воздействиям. Зачем далеко ходить? На меня же, как видишь, никакая эманация не подействовала. Да, кстати, и на тебя тоже.

— Так, может, рискнем, Петр? — произнес Стафо, и глаза его лихорадочно заблестели. — Черт с ней, с автоматикой! Давай сами включим механизм пробуждения.

— Я уже сказал — нет.

...Стафо почти все свое время проводил в биозале. Что касается капитана, то он вел обычный напряженный образ жизни. Делал зарядку до седьмого пота, каждый день занимался на тренажере. Много времени проводил за наблюдением картинок на экране. Приводил в порядок записи в бортжурнале, классифицировал и сортировал информацию, накопленную «Ренатой» в полете.

«...Может, кто-то ищет с нами контакт? Уж слишком упорно повторяются эти видения», — думал капитан. Снова и снова наблюдал он бегущие по головному экрану видения. Постичь их было трудно... Человека, похожего на себя, Петр Коробейников, правда, так ни разу и не увидел, но многие картины повторялись по нескольку раз. Особенно часто появлялось на экранах «Ренаты» оранжевое существо со щупальцами. Оно то колышущимся облаком опускалось в шурф, пробитый в почве, то металось вокруг удивительных конструкций, уходящих в небо, то перемещалось по поверхности неведомой планеты.

В этот день, как обычно, Коробейников сидел перед экраном. Горькие мысли одолевали его. Чтобы спасти экипаж, нужно вырвать корабль из ловушки и добраться до Земли. Только там, в стационарных условиях, можно рискнуть и включить механизм пробуждения.

Но как вырвать «Ренату» из тисков неведомых сил?

Мельтешение цветowych пятен на экране ускорило. В нем на мгновение показывались и снова пропадали какие-то конструкции, фрагменты сооружений. Мелькнула и исчезла ослепительно сверкающая башня.

...А вот снова Земля или планета, чрезвычайно на нее по-

хожая. Но теперь уже капитан не обращал внимания ни на осенние пейзажи, перехлестывающие друг через друга, ни на оранжевый шар, вкатившийся на веранду, ни на худенькую женщину, которая вышла навстречу шару.

Все внимание Коробейникова сосредоточилось только на одном предмете. Старинные часы на стене. Потускневший циферблаг со стрелками и маятник в футляре! Маятник! Маятник!

— Стафо! — кричал капитан.

Он выскочил из рубки и помчался в зал анабиоза. Он схватил Стафо за плечо и снова радостно крикнул:

— Маятник!!!

— Маятник? — переспросил Стафо, с тревогой глядя на Петра Коробейникова.

— Мы, мы с тобой — маятник! Вся «Рената» — маятник! Ты знаешь, как первобытный охотник пользовался пращей?

— Пращей?.. Погоди-ка... Он раскручивал ее, добавляя энергию малыми дозами.

— Верно, умница! Малыми дозами!

Не договорив, Коробейников выхватил записную книжку. Формула Жуковского... Реактивная сила струи... Уравнение Циолковского. Стафо, заглядывая через плечо, подсказывал цифры, которые нужно подставлять. Они теперь понимали друг друга с полуслова.

— Пойдем в рубку, на машине просчитаем, — догадался наконец Стафо.

Идея капитана была проста до чрезвычайности: раскатать «Ренату» на манер гигантского маятника. Раскатать ее, начиная с малых колебаний и постепенно увеличивая размах. И рано или поздно «Рената» выскочит из ловушки.

Оживленное выражение лица капитана, разглядывавшего расчет, вдруг стало хмурым, улыбка пропала. Он долго вглядывался в какую-то цифру, будто старался запомнить ее.

— Время раскачивания? — спросил Стафо.

Капитан кивнул.

— Двенадцать лет.

— Двенадцать лет?! — ошеломленно повторил Стафо.

— Да. Только через такое время мы приобретем скорость, необходимую для пульсации.

— Что ж, другого пути на волю у нас нет... — вздохнул штурман. — Но послушай, Петр! — воскликнул он. — Когда они выйдут из анабиоза...

— Да, мы постареем на двенадцать лет по сравнению с ними, — закончил капитан, уловив мысль Стафо.

Первые движения корабля, включившего двигатели, были еле заметными и скорость — ничтожно малой. Но постепенно видения на экранах корабля начали бледнеть, и сквозь них проступило черное небо и немигающие звезды.

Стройное тело «Ренаты» дрожало от напряжения. Из дюз ее вырывалось ослепительное многокилометровое пламя.

* * *

Корабль пришельцев с его так и не угасшими живыми точками изменил положение в пространстве, сместившись из центра «потенциальной ямы». Дор застыл у экрана: они нашли ЕГО решение.

Возможно ли, что это такие же, как он, существа, общенные с которыми могло бы обогатить его, вдохнуть жизнь в дряхлеющее тело, придать жизни новый смысл, заключающийся, может быть — кто знает! — в совместном изучении вселенной, совместном строительстве? Ведь одним Оком нельзя увидеть всего. Впервые за века своей жизни Дору показалось нелогичным и нелепым имя, которым он когда-то нарек себя. Для понимания перспективы и истинных размеров сущего нужно по меньшей мере бинокулярное зрение.

И у Дора возникло желание подняться на «Электроне» к этим неведомым существам, увидеть их. Но этот новый импульс не смог пробиться сквозь усталость и противоречивые напластования прежних решений. «Электрон» не поднялся в космос, Дор остался на своей планете. Но он со всевозрастающим вниманием следил за кораблем пришельцев.

* * *

«Рената» начинала свой страшно далекий путь к родной Земле.

